

Михаил Мартынов

Современная русская поэзия в контексте (пост-)анархистской философии

Проблема анархии является одной из ключевых для понимания истории и культуры России. Широко известен тезис Н.А. Бердяева о том, что Россия – это «самая анархическая страна в мире», а русский народ – «самый аполитический народ» («Душа России», 1915). В начале XX века эта мысль была подхвачена авангардными художниками и поэтами. Например, в 1919 году Варвара Степанова писала о том, что «русская живопись так же анархична по своим принципам, как и Россия по своему духовному движению». Максимилиан Волошин в поэме «Россия» (1924) развивает тезис Николая Бердяева в связи с широким полем творчества: «В анархии всё творчество России». Важно, что и в текстах русских анархистов XIX – начала XX вв. творчество осмыслялось как необходимое условие безвластия: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть» (М.А. Бакунин); «всякая власть бессильна в деле творчества и сильна только в деле угнетения» (А.А. Карелин «Манифест анархистов-коммунистов», 1924 г.).

В этой работе мы проверим, работают ли формулы, предложенные Н.А. Бердяевым и подхваченные авангардистами, по отношению к современной социокультурной ситуации в России. Насколько глубоко укоренены анархистские идеи в современной российской протестной поэзии, что добавляет к нашему ее пониманию анархистский ракурс?

Материалом станет новейшая русскоязычная поэзия с 1991 года по настоящее время. Этот период представляется релевантным для рассмотрения заявленной темы, поскольку, с одной стороны, в это время возрождается прерванная в Советском Союзе анархистская традиция, а с другой, появляются различные практики поэтического акционизма (и «поэтического терроризма»), – особенно в периоды гражданской активности (90-е годы и в 2010-х). Будут проанализированы тексты,

ориентированные на социальный и политический протест и поднимающие близкие анархизму темы, связанные с критикой власти и государства (Р. Осминкин, П. Арсеньев, К. Медведев, А. Скидан, В. Лунгул, В. Нугатов, А. Очиров, Э. Лукоянов и др.).

Особое внимание будет уделено современным поэтическим практикам, в которых на разных текстовых уровнях осуществляется критика *идеи* политической репрезентации. Отказ от идеи политического представительства – это анархическая идея. Для многих анархистов является очевидным отрицание представительной или репрезентативной демократии, которой они противопоставляют идею самоуправления, самоорганизации и «прямого действия», т.е. не опосредованного какими-либо внешними институтами и нормами. В этом контексте будет рассмотрено творчество современных русскоязычных поэтических объединений, которые так или иначе реализуют принцип «прямого действия» («Лаборатория Поэтического Акционизма», Кооператив художников-партизан «ередовое удожество», музыкально-поэтическая группировка «Дрэли куда попало», кооператив ТЕХНО-ПОЭЗИЯ и др.)

При этом, поскольку анархизм находится в неоднозначных отношениях с политическим дискурсом, объектом внимания будут не только тексты политической/акционистской поэзии. В контексте используемой в работе методологии особый интерес представляет творчество тех авторов, тексты которых хотя и не определяются однозначно как анархистские, но которые могут быть рассмотрены в контексте анархического дискурса благодаря их сложному внутреннему устройству, изменяющему представления о границах поэтического и условиях их производства (Н. Азарова, А. Черкасов, Е. Сулова и др.).

Исследование основано на сближении различных методологических подходов: с одной стороны, (пост-)анархистской оптики (С. Ньюман), которая отказывается от рассмотрения власти как идеального механизма контроля и подчинения и представляет власть в терминах неудачи: нехватки или «поломки», а с другой стороны, принципов объектно-ориентированного литературоведения (Г. Харман, Г. Хамилтон), тесно связанного со спекулятивным поворотом в философии (К. Мейясу).

Объектная ориентированность позволяет увидеть поэтическое произведение в его горизонтальном измерении, как факт или «вещь», взаимодействующую с другими (не-поэтическими) фактами или «вещами». Бессубъектные поэтические конфигурации или «ассамбляжи», возникающие в этом взаимодействии, способны функционировать как места, в которых власть терпит неудачу. Основные параметры таких «мест» будут рассмотрены на примерах соединения поэтического текста с телом, голосом, инструментами письма и др.

Кроме этого, междисциплинарность исследования и открытость различным областям гуманитарного знания отчасти находит поддержку и со стороны эпистемологического анархизма, отрицающего необходимость следования универсальным принципам познания (П. Фейерабенд), и уравнивающего в правах различные методологические подходы к исследованию объекта: например, картезианское «ясное и отчетливое знание» равноценно знанию неясному и неотчетливому (М. Куртов).

Первая глава будет посвящена вопросам взаимосвязи и взаимовлияния исторических форм анархизма и поэтического авангарда и определению общих для них принципов построения и функционирования текста. В следующих главах будут рассмотрены как практики вывода поэзии за пределы ее институциональной определенности, – опрокидывание поэзии в непозитивские провокационные формы, связь поэзии с телом, голосом, городом и др. (Глава 2), так и авангардные языковые эксперименты, создающие актуальные формы сопротивления укорененным в языке фигурам власти (Глава 3). В последней главе анализируется неоднозначное творчество группировки «Ленинград», формирующей собственные стратегии сопротивления, балансирующие на границе массовой культуры, гламура, авангардного эпатажа и анархистского бунта (Глава 4).